

Тюремный лекарь

Киев. 1911 год. Владимир Шульженко встречается в газете интересное объявление: сын сахарозаводчика обещает приз в миллион рублей тому, кто сможет вылечить от рака его невесту. В то же время в городе находят тела похищенных юных девиц, растерзанные убийцей по прозвищу Душегуб. Врач-психиатр Ясногорский привлекает Шульженко к исследованию заброшенных крепостных казематов, где были зафиксированы случаи сумасшествия среди солдат, несших караул. Ясногорский и Шульженко обнаруживают там трупы, над которыми явно проводили какие-то эксперименты. Владимир видит связь между похищениями, трупами и газетным объявлением, и начинает собственное расследование...

Сергей Пономаренко

ТЮРЕМНЫЙ ЛЕКАРЬ

Сергей Пономаренко

Тюремный лекарь

РОМАН

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

© Пономаренко С. А., 2020

© DepositPhotos.com / kvkirillov / Elinacious / v.anisimov /
Juan_G_Aunio, обложка, 2020

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском
языке, 2020

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное
оформление, 2020

ISBN 978-617-12-7992-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Київ. 1911 рік. Володимир Шульженко натрапляє на цікаве оголошення в газеті: син цукрозаводчика обіцяє приз у мільйон карбованців тому, хто зможе вилікувати від раку його наречену. У той самий час в місті знаходять тіла викрадених юних дівиць, розтерзані вбивцею на прізвисько Душогуб. Лікар-психіатр Ясногорський залучає Шульженка до дослідження закинутих фортечних казематів, де були зафіксовані випадки божевілля серед солдатів, що несли там варту. Ясногорський і Шульженко знаходять там трупи, над якими явно проводили якісь експерименти. Володимир вбачає зв'язок між викраденнями, трупами та газетним оголошенням, і починає власне розслідування...

Пономаренко С.

П56 Тюремный лекарь : роман / Сергей Пономаренко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 336 с.

ISBN 978-617-12-7666-6

Киев. 1911 год. Владимир Шульженко встречает в газете интересное объявление: сын сахарозаводчика обещает приз в миллион рублей тому, кто сможет вылечить от рака его невесту. В то же время в городе находят тела похищенных юных девиц, растерзанные убийцей по прозвищу Душегуб. Врач-психиатр Ясногорский привлекает Шульженко к исследованию заброшенных крепостных казематов, где были зафиксированы случаи сумасшествия среди солдат, несших караул. Ясногорский и Шульженко обнаруживают там трупы, над которыми явно проводили какие-то эксперименты. Владимир видит связь между похищениями, трупами и газетным объявлением, и начинает собственное расследование...

УДК 821.161.1(477)

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

Я не сумасшедший, просто моя реальность отличается от твоей.

Чеширский кот. Алиса в Зазеркалье

Чудовища и призраки существуют на самом деле. Они живут внутри нас.
И иногда они побеждают нас.

Стивен Кинг

Проложу я путь в глубину Преисподней, Подниму я мертвых, чтоб живых пожирали,
Станет меньше тогда живых, чем мертвых!

Легенда о Гильгамеше

Часть 1

Владимир Шульженко

Киев. 1911 год

1

Популярное кафе-кондитерская «Жорж» расположилось на первом этаже трехэтажного серого дома, стоящего на пересечении улиц Прорезной и Крещатика. На протяжении более четырех десятков лет оно было и остается излюбленным местом гурманов — любителей кондитерских изделий, особенную славу завоевав производством восхитительных кремовых тортов. После ее основателя, немца Дортенмана, сменилось несколько владельцев разных национальностей, однако фантазии ее кондитеров и качество их изделий позволяли кондитерской удерживать первые позиции в Киеве, несмотря на конкуренцию подобных заведений, число которых постоянно растет, как грибы после дождя. Даже ходит городская легенда, что известный и недавно почивший в бозе художник Врубель во время своего пребывания в Киеве поработал кистью над интерьером кондитерской, хотя это весьма сомнительно. Славится кондитерская «Жорж» также своими немалыми ценами, поэтому ее посещает только солидная публика.

Внутри кондитерской полно праздных посетителей, и для меня не нашлось свободного столика возле огромного окна, где я люблю сидеть. Пришлось удовлетвориться местом в глубине зала, и теперь мое отражение в огромном зеркале у противоположной стены зорко следит за мной, копируя малейшие движения, создавая у меня ощущение, что это я и не-я.

Мой зеркальный двойник — кареглазый шатен среднего роста, лет двадцати, приятной наружности, с аккуратными темными усиками над верхней губой. Их я завел после того, как расстался с буйными, почти пушкинскими бакенбардами, моей гордостью в студенческие годы. Я даже пытался обзавестись бородой, чтобы казаться солиднее, но она получилась жидкой и жалкой, так что пришлось ее сбрить. Я подмигиваю своему отражению, и оно мне зеркально отвечает. Осматриваюсь по сторонам: люди за столиками заняты разговорами, кондитерскими изысками, и до меня им нет дела.

Подошедшему официанту заказываю двойной кофе мокко и десерт с фруктами. Смотрю на часы — до назначенной встречи еще добрых полчаса. Слишком рано пришел сюда, можно было еще погулять по городу. Чтобы убить время, углубляюсь в чтение газеты «Киевлянин», купленной по дороге в кондитерскую. На первой странице сплошная реклама, обычно я ее перелистываю, но сейчас интересуюсь, чем живут киевляне, все ли осталось прежним в их жизни?

На душе у меня необычно легко, наконец я уверился в том, что те удивительные и страшные события[1] в Чернигове безвозвратно канули в прошлое. Надеюсь, пройдет немного времени, и они сотрутся из моей памяти. После возвращения в Киев я не мог избавиться от навязчивого страха, что, заснув, могу очнуться в удушающей тесноте гроба под землей. Мои сны были насыщены кошмарами.

Состояние моей психики беспокоило отца, и он настоял на том, чтобы пригласить домой врача-психиатра. Это меня возмутило и обидело. Совсем недавно я сам работал врачом в нервно-психиатрическом отделении Черниговской городской больницы, так неужели я не смогу прописать себе нужные лекарства? Доктора Ясногорского я встретил крайне настороженно, но он нашел нужные слова, сумел убедить меня лечь в Кирилловскую городскую больницу на излечение, за что я ему весьма благодарен.

Месяц лечения в больнице для меня пробежал незаметно. В отличие от других пациентов, я пользовался полной свободой передвижения и после процедур отправлялся гулять по окрестностям больницы — живописной исторической местности, где, по легендам, находилось логово Змия, которого победил, по одной версии, Кирилл Кожемяка, по другой — богатырь Добрыня Никитич. Я бродил по глубокому Репяхову яру, под сенью высоких, раскидистых деревьев, где даже в дневное время было темновато и страшновато, особенно если знать связанные с этим местом жуткие истории. Во время продолжительных пеших прогулок мой путь пролегал и на Сырец[2], и к Бабьему Яру, и расположенному рядом еврейскому кладбищу, о которых ходили не менее зловещие слухи. Собственно, это было неудивительно для расположенного на холмах древнего города, который за свою более чем тысячелетнюю историю не мог не «обрасти» подобными страшилками.

Пешие путешествия я обычно заканчивал посещением древнейшей Кирилловской церкви, расположенной рядом с больницей. С душевным волнением я рассматривал старинные, восьмисотлетние фрески, вглядываясь в неясные, словно в легком тумане, суровые, аскетические лики апостолов Петра и Павла, изображенные в древности неизвестным живописцем. Любовался я и более поздними изображениями святых кисти знаменитого художника Врубеля. В его «Сошествии Святого духа на апостолов» каждый из апостолов невольно передает зрителю частицу охватившего его чувства, смятение души. Но больше всего меня влекло к изображению Богородицы с ее трепетным и глубоким взглядом, будоражащим сердце. Я невольно влюбился в этот женский лик и хотел бы встретить в реальной жизни подобную тревожащую меня женскую привлекательность. Мне известно, что Врубель писал этот образ с реальной женщины, госпожи Праховой Эмилии Львовны, сейчас этой даме уже более шестидесяти лет.

«Время жестоко и неумолимо, а старость ужасна своей неприкрытой прямоотой, — с содроганием подумал я. — Впрочем, мысли на этот счет я отложу лет этак на сорок».

Этим воскресным августовским днем я договорился встретиться в кафе-кондитерской с доктором Ясногорским Никитой Петровичем. За время моего лечения между нами сложились дружеские, приятельские отношения, несмотря на более чем двадцатилетнюю разницу в возрасте и различный статус — врач и больной. Никита Петрович относился ко мне не как к больному, а как к младшему коллеге, которому потребовались его советы. Даже покинув психиатрическое отделение Кирилловской больницы, я сохранил с доктором Ясногорским товарищеские отношения. Прошло всего полторы недели с тех пор, как я покинул стены больницы, и когда вчера вечером мне позвонил Никита Петрович и предложил встретиться, я с радостью согласился.

Доктор Ясногорский теперь вдовец. Его жена похоронена во Львове, где он раньше в качестве приват-доцента преподавал в местном университете. После смерти жены, очень сильно на него повлиявшей, он переехал в Киев, сменил преподавательскую деятельность на работу в больнице. Детей у них не было, возможно,

поэтому он так привязался ко мне, ведь по возрасту я гожусь ему в сыновья.

Никита Петрович предпочитает костюмы темных тонов, он подтянут, следит за собой, всегда чисто выбрит вокруг «чеховской» бородки и аккуратно подстрижен. Его волосы полностью седые, хотя ему нет и пятидесяти. В движениях и манере общения он нетороплив, обстоятелен. Обладает хорошо поставленным голосом, говорит очень убедительно и умеет увлечь собеседника.

Просматривая газету, я заинтересовался рекламным объявлением. Вначале оно бросилось в глаза из-за крупного шрифта, а затем удивило своим содержанием.

«Господин М. Т. Солодовников объявляет вознаграждение в миллион рублей тому, кто сможет вылечить его жену от карциномы».

Из медицинских учебников мне было знакомо это страшное заболевание — карцинома[3], более известное в обиходе как рак. Зловещая злокачественная опухоль, появившись в одном месте человеческого организма, начинает, словно завод, вырабатывать опухолевые клетки, которые метастазами расползаются по всему телу. Удаление этих опухолей не дает положительных результатов, так как метастазы множатся в огромном количестве, истощая до крайности тело. К великому сожалению, подобный диагноз является смертным приговором, который никто не в силах обжаловать.

Инициалы «М. Т.» принадлежали Михаилу Тарасовичу Солодовникову, единственному сыну и наследнику одного из богатейших сахарозаводчиков. Мне он был известен по учебе в университете, да кто из студентов того времени мог не знать его? Михаил обучался на историко-философском отделении, на два курса старше меня. Сын миллионера, обладатель красивой внешности, он всегда был при деньгах и не жалел их на щедрые угощения приятелей, которые постоянно крутились возле него. Михаил всегда находился в центре внимания, окруженный толпой прихлебателей, составляющих «королевский двор».

Я неоднократно встречался с ним на студенческих литературных собраниях, где он декламировал свои стихотворения. Михаил прической и длинным носом немного смахивал на молодого Николая Гоголя, но это только делало его более интересным и привлекало к

нему внимание. Он красиво, очень чувственно читал свои стихи, которые, на мой неискушенный вкус, были весьма хороши — в стиле символистов Брюсова и Бальмонта, моих кумиров.

Что греха таить, я тоже пытался писать стихотворения и с ними выступать. Вот только наградой мне были весьма жидкие аплодисменты, которые затихали быстрее, чем я успевал спуститься со сцены с пунцовыми от возбуждения ушами. Иное дело Михаил! Его выступления заканчивались криками восторга, бурей аплодисментов, вполне заслуженных. Мне было известно, что он увлекался эзотерикой и спиритуализмом, даже организовал в университете мистический кружок.

Однажды на литературном вечере меня представили Михаилу. Помню, он скользнул по мне холодным, равнодушным взглядом и слегка кивнул. В нем было что-то притягивающее, и верховодил он среди студентов не столько из-за того, что всегда имел деньги на угощение, сколько из-за своей, скажем так, демонической натуры. Мне было бы лестно считать его своим другом, но его дружбы я не удостоился. Во время учебы в университете Михаил Солодовников был очень яркой и привлекательной фигурой.

Я еще раз прочитал заметку. Да, рак — это смертельная болезнь, по крайней мере в наше время. В будущем, я надеюсь, обязательно найдутся лекарства, способные эту болезнь побороть.

Огромная сумма, заявленная в объявлении, поражала, но с таким же успехом можно было пообещать в сто раз больше. За сухими строками объявления угадывалось отчаяние человека, и это не могло не вызвать у меня сочувствия и сострадания к нему.

Мне очень жаль Михаила, в университетском прошлом моего кумира. Мне как врачу известны все фазы этой болезни. Каждый день Михаил вынужден видеть, как медленно угасает его любимая, страдая от ужасных болей, и ее мучения может облегчить лишь морфин, и то на непродолжительное время. В его положении люди уповают только на чудо, а он пытается купить чудо за деньги. Но это тот случай, когда миллионы отца не помогут и все его усилия, к великому сожалению, окажутся тщетными.

От этих мыслей меня отвлекло появление доктора Ясногорского. Никита Петрович вальяжно вошел в кондитерскую, помахивая изящной тросточкой. Он красиво и модно одевался, всегда выглядел

ухоженным. Найдя меня взглядом, улыбнулся и направился к моему столику.

— Прекрасно выглядите, Владимир Иванович! — сказал психиатр, присаживаясь на изящный венский стул. — Отсутствие больничных стен подействовало на вас положительно. Ну-с, а как вам спится?

— Благодарю, Никита Петрович. Сон у меня нормальный, кошмары не беспокоят, ваше лечение дало положительный результат. Завтра, по направлению Врачебной управы, я выхожу на работу.

— Прекрасно, мой друг! Где же вы теперь будете работать?

— В лазарете при Лукьяновском тюремном замке. Завтра первый рабочий день.

— Вот как?! — поразился Никита Петрович. — Весьма специфическое учреждение. Впрочем, врачебная помощь нужна везде и всем, возможно, там даже больше. Желаю успехов в вашей лекарской деятельности!

— Благодарю, Никита Петрович. Что нового и интересного у вас?

— Скорее необычного и страшного, — печально кивнул Никита Петрович. — В последнее время в нашем спокойном и даже сонном городе стали бесследно пропадать юные барышни из вполне благополучных семейств. Полиция надеялась найти их в добром здравии, пока не стали обнаруживать растерзанные тела девиц из числа пропавших... — Доктор минутку помолчал, как бы собираясь с мыслями. — Сегодня начальник сыскного отделения пригласил меня для консультации, ведь эти убийства коренным образом отличаются от тех, которые до сих пор происходили в нашем городе. У него сложилось мнение, что убийца, которого полиция прозвала Душегубом, психически ненормальный. Он ужас что творит с телами жертв: потрошит их, извлекает внутренние органы, отрезает головы.

— Какой кошмар! — Я вздрогнул, почувствовав, как неприятный холодок пробежал по спине. — Вам удалось помочь полиции?

— Изучив протоколы вскрытий этих тел, побеседовав с судебным врачом, я пришел к выводу, что действует не психически больной, а человек, который преследует какую-то определенную цель. Начальника сыскного отделения мое заключение не удовлетворило, он продолжает настаивать на своем.

— Трудно себе представить человека, который мог совершить такое в здравом уме. — Невольно я поддержал версию начальника

сыскного отделения. — Ведь такое заболевание, как шизофрения, имеет множество проявлений, и мало ли какие фантазии могут возникнуть в голове больного.

Доктор осуждающе покачал головой:

— Больной человек действует импульсивно, он может убить и надругаться над безжизненным телом жертвы, изуродовать его. Но он не планирует тщательно убийство, тем более предваряющее похищение. Из полицейских протоколов следует, что преступник после похищения жертвы расправлялся с нею не сразу и не в том месте, где находили тело. Все это указывает на то, что действует преступник, который все предварительно подготавливает. Непонятно, каким образом ему удастся благовоспитанных барышень заманивать в уединенное место. Они исчезают в дневное время, последний раз их видят в оживленном месте. — Никита Петрович грустно улыбнулся. — Или у него имеется волшебная дудочка гамельнского крысолова[4]?

— Выходит, этот нелюдь спокойно разгуливает по нашему городу и, возможно, сейчас сидит за соседним столиком, обдумывая очередное злодеяние?! — Потрясенный рассказом доктора, я настороженным взглядом окинул людей за ближайшими к нам столиками.

Крупный мужчина в клетчатом костюме, сидевший за одним столиком с молодой женщиной в кокетливой соломенной шляпке, встретился со мной взглядом и слегка кивнул — видимо, принял меня за знакомого, чей облик не задержался у него в памяти.

«Убийца внешне ничем не отличается от окружающих его людей, кроме как страшной, звериной сущностью. Он может находиться здесь, как и в любом другом месте».

— Что двигает этим нелюдем при воплощении его ужасных фантазий? Почему ему мало убить, а надо жестоко терзать тела жертв? Он дикий зверь, случайно родившийся в человеческом обличье?!

— Дикая зверь убивает, когда голоден или когда защищает своих детенышей. Человек в этом отношении сильно отличается от зверя. Он может убить по многим причинам: ради корысти, в возбужденном состоянии, из чувства зависти, мести, любви, страха. Под влиянием психического состояния: надуманных фантазий, имеющих религиозную или культовую основу. Я назвал лишь малую толику того, из-за чего происходят убийства.

— А этот Душегуб, — мне было неприятно вслух повторять это мерзкое прозвище, — из-за чего он совершает убийства?

— В криминалистике это называется мотивом убийства. Пока этого никто не знает.

— Но вы же об этом наверняка думали? Имеете предположение? — настаивал я.

— Мне эти убийства видятся ритуальными.

— Почему?!

— Когда я узнал, каким образом убийца расправлялся с жертвами, у меня возникла ассоциация с кровавым культом ацтекского бога Уицилопочтли. Жрецы этого бога умело вскрывали обсидиановыми ножами грудь жертвы и вырывали еще трепещущее сердце. Затем обезглавливали тело. Голову, вернее, уже череп, так как освобождали его от мягких тканей и мозга, использовали для построения пирамид и оград. Душегуб после себя оставил спрятанные обезглавленные тела жертв, в которых отсутствует сердце, и их головы тоже не найдены. Я поделился своим предположением с начальником сыскного отделения, так он стал махать руками и требовать, чтобы я подобные мысли держал при себе. Ему с головой хватает нашумевшего ритуального убийства ученика духовного училища Андрея Ющинского, не доставало еще, чтобы стали говорить об убийце, проводящем кровавые ритуалы древних индейцев. Убийца Бейлис[5] арестован и скоро предстанет перед судом, что успокоит взбудораженную общественность. По мнению начальника сыскного, характер этих убийств больше похож на почерк лондонского Джека-потрошителя, вот только откуда ему тут взяться? — Доктор мягко улыбнулся.

Я почувствовал, как холодок пробежал по спине. «Ритуальные убийства американских индейцев или жестокие преступления, подобные совершенным лондонским Потрошителем? Хрен редьки не слаще! Не думал, что в моем родном уютном городе может завестись подобная нечисть».

— После возвращения из Чернигова, после моего, казалось, непродолжительного отсутствия я постоянно узнаю что-то новое и не всегда хорошее.

Видимо, переживаемые мною эмоции отразились на лице, потому что доктор поспешил меня успокоить:

— Друг мой, старайтесь поменьше задумываться об этом. Вы очень впечатлительны и не так давно перенесли тяжелейший стресс. Ваше лечение прошло успешно, но постарайтесь негативное не впускать в себя, отталкивать его.

«Как будто это так просто — не впускать в себя ничего негативного, — подумал я. — Вот с Михаилом Солодовниковым я не имел дружеских отношений, по сути, знал его только в лицо, а случившееся с его женой несчастье очень болезненно воспринял».

Вспомнив вчерашний разговор с доктором по телефону, я напомнил ему:

— Никита Петрович, назначая встречу, вы сказали, что у вас ко мне будет просьба. Слушаю вас!

— Начну издалека. Очень часто местности, где происходили трагические события, впоследствии обрастали легендами. Интересно, что именно в этих местах происходят непонятные или труднообъяснимые события, которые часто принимают за галлюцинации. Как известно, «из ничего ничего не бывает», всегда имеется скрытая причина. Я готовлю статью, где пытаюсь объяснить возникновение психических феноменов, связанных с историческими местностями, но предварительно хотел проверить свои умозаключения на практике, проще говоря, провести эксперимент, который их подтвердит или опровергнет. Хотел вас, Владимир Иванович, попросить принять в нем участие. — Тут Никита Петрович замялся. — Но сейчас вижу, что вы после лечения еще недостаточно окрепли. Вы слишком близко приняли к сердцу мой рассказ о Душегубе и творимых им ужасах. Излишние волнения вам противопоказаны, я понимаю, что поступил опрометчиво, решив прибегнуть к вашей помощи. — Доктор изучающе посмотрел на меня, в его глазах я заметил смятение и сомнение.

Я выдержал его взгляд и твердо заявил:

— Буду рад вам помочь, Никита Петрович. Что я должен буду делать?

— Делать вам ничего не придется, просто, находясь в подобной местности, вы поделитесь со мной своими ощущениями. Вы более тонкая, чувствительная натура, чем я, закоренелый скептик и даже, пожалуй, циник. Вот вы верите в существование привидений?

Я замялся, но чистосердечно ответил:

— Верю и знаю много случаев, имеющих к ним отношение.

— А я в них не верю, как и в существование потустороннего мира и души у человека. Вот в чем между нами разница. Вы, с вашей верой в необычное, более *открыты* и можете тонко чувствовать окружающий мир. Это я заметил, когда вы находились у нас на излечении. Мне хотелось бы, чтобы вы *ощутили* необычные свойства местности, как она влияет на человека. Я вижу вас в роли медиума[6] в моих исследованиях.

Было странно слышать такое от Никиты Петровича, которого я считал закоренелым материалистом.

— Где вы собираетесь провести эти испытания?

— В Набережном Провалье. Вы о нем слышали?

2

Название и само место были мне знакомы. Еще в детстве, услышав от сверстников это пугающее название и связанные с этим местом страшные истории, я расспросил о нем отца. Однако услышанные от него объяснения сняли с Набережного Провалья мрачный ореол и убрали устрашающую мистику в названии.

— Оно находится возле Днепра, там, где Подольские набережные ворота?

— Совершенно верно. Это историческая местность, с ней связано много легенд. Раньше там начиналось громадное урочище, которое тянулось от Днепра и до самого Клова. Князь Святослав, несмотря на то, что его мать, княгиня Ольга, была христианкой, был крайне нетерпим к христианам. При Святославе им было приказано селиться в специально отведенном месте, за городскими воротами. Предполагается, что у подножия этого оврага-Провалья в те времена было отведено место для проживания христианской общины. Место крайне неудобное, весной, во время разлива, его затапливали воды Днепра. Поэтому дома там строили на сваях.

Из «Повести временных лет» известно, что, когда князь Владимир, на то время язычник, вернулся с победой над племенем ятвягов, жрецы-волхвы решили отметить это событие человеческим жертвоприношением богу Перуну. Жребий пал на Ивана, сына варяга-христианина Федора. Но Федор сына не отдал, с мечом в руке защищал его, используя дом как крепость. Язычники, устранившись от отважного воина, перерубили сваи, дом обрушился, похоронил и Федора, и его сына Ивана. Это место стало пользоваться дурной славой, так как тела Федора и Ивана жрецы не разрешили похоронить по христианскому обычаю. А это, по воззрениям христиан, может привести к тому, что души умерших, не обретя упокоения, могут остаться в нашем мире и докучать живым. После похода на Корсунь и женитьбы на византийской принцессе князь Владимир принял христианство, и оно стало господствующей религией на Руси. А христианская община перебралась в город.

— Весьма познавательно, — учтиво улыбнулся я, не зная, как вежливо сказать, что экскурс в давнюю историю слишком затянулся. — Об этом я читал, только не знал, где находился дом святого Федора Варяга. Неоднократно проезжал мимо того места на трамвае, через арку в Подольских набережных воротах.

Никита Петрович невозмутимо продолжил:

— Если верить легендам, в урочище Провалье происходят удивительные события, которые объясняют происками нечистой силы. Возможно, это как-то связано с безвинной смертью Федора Варяга и его сына Ивана. После принятия христианства там была построена церковь Богородицы и устроен скит. Однако это не помогло. Через непродолжительное время церковь и скит то ли провалились под землю, то ли на них обрушился склон горы, что подтвердило дурную славу этого места, облюбованного бесами.

— Любопытно, — кивнул я и скептически произнес: — Славится легендами земля Киевская!

— Ближе к нашему времени в урочище стали добывать глину, и за счет бюджета города там был построен кирпичный заводик. В карьере использовали труд отбывающих наказание в арестантских ротах, и снова произошла трагедия — обрушился склон и погибло несколько арестантов. При строительстве Новой Печерской крепости урочище Провалье было частично засыпано. Со стороны Днепра были сооружены две подпорные стены и внутренние казематы. Вместе с Подольским верком, известным у нас как Подольские набережные ворота, они составляли единое фортификационное сооружение, связанное подземными коммуникациями и предназначенное для защиты Цепного моста.

Меня несколько удивило это повествование. «Непонятно, зачем Никита Петрович так подробно обо всем этом рассказывает, углубляясь в “преданья старины глубокой”? Неужели мне это обязательно знать? Не думал, что психиатрия тесно связана с историей». Видимо, мои размышления отразились на лице, так как Никита Петрович счел необходимым пояснить:

— Столь подробно я рассказываю, чтобы вы знали все, что связано с этой местностью. Для эксперимента это очень важно. Зайдите в археологический отдел древностей и искусств городского музея, что вы там увидите? Глиняную посуду, черепки, которые вам ничего не

расскажут. А попросите хранителя отдела рассказать вам о Трипольской культуре, и перед вами откроется удивительный древний мир.

— Я понял, Никита Петрович. Продолжайте, слушаю вас.

— С солдатами и офицерами, несшими караул в каземате нижней подпорной стенки, стали происходить непонятные события, о которых военное ведомство старательно умалчивало, пока в 1898 году не произошел удивительный случай. Офицер, начальник караула каземата нижней подпорной стены, вдруг покинул пост и, совершенно обезумевший, размахивая саблей, прибежал на Крещатик, а расстояние до него две версты! На ходу офицер выкрикивал, что надо бежать, спасаться от наступающего конного воинства хана Батыя, пока оно не переправилось через Днепр.

Этот случай тут же попал на страницы газеты «Киевлянин». Вездесущие журналисты узнали, что подобные случаи помешательства на том же посту были и прежде, а еще и самоубийства, и дезертирства. Всем известна поговорка психиатров «каждый сходит с ума по-своему», но в этом случае помешательства были привязаны к одному и тому же месту.

В таком же каземате верхней подпорной стены ничего подобного не происходило, как и в Подольском верке, расположенном вблизи нижней подпорной стены. Выходит, необычная зона, где на людей оказывалось какое-то воздействие, расположена в казематах нижней подпорной стены.

Обнародование случая с офицером вызвало грандиозный скандал. Генерал-губернатором было назначено расследование. Однако по окончании расследования его результаты были засекречены, так продолжается и до настоящего времени. В срочном порядке было принято решение как бы за ненадобностью перестать выставлять караул в казематах обеих подпорных стен. Взамен этого установить крепкие запоры на входные двери и надежные решетки на артиллерийские амбразуры.

С одной стороны, то, что караулы сняли, можно объяснить тем, что Киевская крепость потеряла значение южного форпоста, так как границы Российской империи далеко отодвинулись на запад и юг. С другой стороны, почему военные до сих пор замалчивают результаты расследования и не предали гласности все странные события,

случавшиеся там? — Никита Петрович сделал глубокомысленную паузу и продолжил: — С тех пор казематы обеих подпорных стен пусты, разве что от случая к случаю используются в качестве промежуточных складов для военного порта.

— У разных людей возникали одни и те же галлюцинации? — недоверчиво переспросил я.

— Видения были разные. К сожалению, я так и не смог получить доступ к отчету о результатах расследования. Нашел только заключение психиатрической экспертизы офицера, которая была проведена в Кирилловской больнице. В нем имеется описание видения, так испугавшее офицера, которое он связал с нападением войска Батыя на Киев. Вроде бы он увидел приближение огромного конного войска и ощутил, как сотрясалась, ходила ходуном земля, а воздух был наполнен угрожающими дикими криками и ржанием лошадей. Этот офицер, абсолютный профан в истории, считающий, что от чтения портится зрение, сумел довольно точно описать вооружение и внешний вид монгольских воинов. Из его объяснений можно понять, что не только у него были видения, но время от времени и у солдат караула. Опять же, у меня нет доступа к отчету с описанием всех этих видений и информацией, кого они посещали и при каких обстоятельствах. — Никита Петрович пытливо посмотрел на меня. — Ну что, Владимир Иванович, вы по-прежнему готовы участвовать в этом эксперименте? Видите, он может быть небезопасен. Если у вас есть сомнения, можете отказаться, и я вас пойму.

— Наоборот, вы меня заинтриговали. Очень интересно мне побывать в столь необычном месте. В своей психике я полностью уверен! — легкомысленно воскликнул я, и тут же внутренний голос напомнил: «Там сошел с ума офицер! Не думай, что он до этого имел психические отклонения. Это чрезвычайно опасно, тебе стоит отказаться». Но я упрямо стоял на своем.

Мы еще немного побеседовали на разные темы, обговорили напряженную международную обстановку на Балканах, Агадирский кризис[7], может ли он привести к войне Германии и Франции за африканские колонии.

Попрощавшись с доктором Ясногорским, я не спеша поднялся по круто уходящей вверх Прорезной, в направлении к Золотым воротам, от которых остались лишь два хмурых, мурованных каменных

основания, скрепленных между собой рыжей от ржавчины балкой. Я решил идти домой пешком, даже несколько удлинил путь, свернул на Большую Владимирскую. Мне захотелось пройти мимо *alma mater*, университета Святого Владимира, учебу в котором не так давно закончил.

Увидев издали здание университета, стены которого окрашены в красный цвет, а капители — в черный, я почувствовал ностальгическое стеснение в груди, словно встретил близкого человека после долгой разлуки. Мне невольно вспомнились студенческие годы, товарищи по учебе, занимавшие значительное место в моей жизни. Прошло чуть больше года, и они разлетелись кто куда, словно их и не было. Еще недавно я горел желанием избавиться от назойливой опеки отца, для этого уехал работать в Чернигов, мечтая в дальнейшем отправиться в качестве судового врача на каком-нибудь корабле в дальние морские странствования. А теперь, после ужасных событий, которые мне пришлось пережить в Чернигове, я рад, что вернулся домой, и мои ближайшие планы не распространяются дальше пределов родного Киева.

Проходя мимо главного входа в здание университета, которое украшали восемь массивных колонн, поддерживающих архитрав с девизом университета «*Utilitas, Honor et Gloria*»[8], я невольно замедлил шаг. Жадно всматриваясь в лица студентов, выходящих из здания, я словно ожидал среди них увидеть знакомые, моих недавних собратьев по учебе.

— Базаров, ты?! — послышался удивленный голос за спиной, и, обернувшись, я увидел Петра Чемоданова.

Огненно-рыжий, веснушчатый, на полголовы выше меня, Петр радостно ухмылялся, глядя на меня. Он сильно поправился и стал громоздким, как шкаф.

— Куда это ты подевал свои чудесные бакенбарды? Иль ты уже не Базаров? Усики отрастил, тараканьи!

Во время учебы за мной закрепилось прозвище Базаров, за то, что я носил пышные бакенбарды, подобно персонажу повести Ивана Тургенева «Отцы и дети». На этом наша схожесть заканчивалась, так как нигилистом я не был. С Чемодановым, моим одноклассником по университету, я не поддерживал близких, дружеских отношений, так как он в силу того, что был старше меня и имел авантюрные

наклонности, сторонился и меня, и моих товарищей и относился к нам, по непонятным причинам, свысока.

За ним укрепилось обидное прозвище Чемодан, которое очень ему шло ввиду его крупного телосложения и тугодумия при ответах на занятиях. Однако никто не решался так назвать Петра в лицо после того, как он однажды схватил насмешника в охапку, поднес к открытому окну на третьем этаже здания университета и пообещал в следующий раз бросить вниз, если тот или кто другой посмеет так его назвать. Силой Петр обладал громадной, а дурью еще большей, из-за чего, будучи студентом, частенько попадал в полицейский участок.

Петр был из старообрядческой семьи, проживающей в Ахтырке. Его отец, купец второй гильдии, не только торговал, но и занимался выращиванием зерновых на землях, скупленных у разорившихся помещиков. Отец видел Петра продолжателем своего дела, поэтому отправил его, в возрасте двадцати одного года, учиться на сельскохозяйственном отделении Киевского политехнического института.

Однако Петру не улыбалось вести скучную жизнь в своем старообрядческом семействе. Посчитав, что специальность врача поможет ему освободиться от семейных обязательств, он поступил учиться на медицинское отделение Киевского университета. Вскоре Петр понял, что и эта специальность его не увлекает, он не видел себя в дальнейшем врачом, но обучение в университете, хоть и с грехом пополам, все же окончил в возрасте двадцати шести лет. Петру нравилась веселая, разудалая жизнь с вином и женщинами легкого поведения. И еще он был помешан на игре в бильярд.

— Захотел изменений в жизни и начал с бритья бакенбард, — грустно улыбнулся я, подумав при этом: «Кажется, что это было очень давно, в прошлой жизни».

— Ты, помнится, отправился работать в Чернигов? — вспомнил Петр.

— Верно, поработал там, теперь вернулся.

— Быстро! — насмешливо ухмыльнулся Петр. — Что же там не сложилось?

Я был рад встрече с однокурсником, но не имел желания рассказывать ни об истинных причинах, заставивших меня вернуться в

Киев, ни о своем недавнем лечении в Кирилловской больнице. Поэтому я решил увести разговор подальше от своей персоны.

— Так получилось. — Я неопределенно хмыкнул. — А ты сам что тут делаешь? Помню, когда я уезжал в Чернигов, ты еще обивал пороги Врачебной управы.

— Не сложилось у меня с медициной. Направили меня земским врачом в Чудновскую волость Волинской губернии, так я оттуда меньше чем через неделю сбежал. Ни днем, ни ночью покоя не было. Но хуже всего было увидеть смерть *своего* больного! Ты видел? — Лицо Чемоданова покраснело, он со злостью уставился на меня, словно собираясь наброситься.

«Я пережил собственную смерть!» — хотелось мне крикнуть ему в ответ, но я лишь сказал:

— Бог миловал! Что же ты делаешь в Киеве? Насколько помню, ты родом из Ахтырки. Там тоже лекари нужны.

— Задержался я тут и домой не спешу — нечего там делать. Сейчас я работаю лаборантом в университете, а кормит меня бильярд.

Еще во время учебы в университете умение хорошо играть в бильярд было для Чемоданова весьма ощутимой финансовой поддержкой. Бильярдная ресторана «Люнивер» была его излюбленным местом, где он коротал вечера. Выходит, имея диплом врача, Петр работает пару часов в день лаборантом за мизерную зарплату, чтобы иметь больше времени для любимого и более денежного занятия. Мне вспомнилось: благодаря своему умению играть в бильярд Чемоданов, единственный с нашего курса, был допущен в близкий круг приятелей Михаила Солодовникова, тоже страстного бильярдиста.

Петр явно собирался со мной попрощаться, но я его задержал.

— Просматривал свежую газету и обнаружил нечто любопытное. — Я протянул Петру газету с объявлением. — Этот Михаил Солодовников, случаем, не сын сахарозаводчика, не тот, с которым ты дружил?

Петр лишь мельком взглянул на объявление и широко улыбнулся:

— Все верно. Это затея Миши. Он многих привел в недоумение своими безумными рекламами в газетах. Удивительно, что ты только сейчас обратил на это внимание. По городу давно ходят слухи о чудачествах Миши.

— Меня долгое время не было в Киеве, да я и не входил в компанию друзей Солодовникова, как ты, чтобы им интересоваться.

— Миша очень изменился после того, как поставили диагноз его молодой жене Ольге — у нее рак.

— Ужасно! Рак — это смертный приговор. Как давно он женат?

— Меньше года. Раньше он был душой компании, а ныне угрюмый, нервный, может вспылить из-за пустяка, избегает встреч с друзьями и веселых компаний. Только время от времени приглашает меня к себе домой сыграть партию-другую в бильярд, там у него своя бильярдная. Раньше он предпочитал играть в городе, а сейчас ведет почти затворническую жизнь. По-моему, он даже немного тронулся умом. Из прежних близких друзей у него никого не осталось, вокруг Миши вертятся какие-то темные личности, что-то обещают в надежде урвать куш. — Чемоданов наклонился ко мне и тихо произнес: — Миша признался мне, что обращался к ведьме, чтобы она вызвала для него дьявола! Он готов заложить даже свою душу, только бы его жена победила болезнь.

Я невольно перекрестился и тут же поймал насмешливый взгляд Чемоданова.

— Судя по всему, с продажей души дьяволу ничего не получилось? — Я этого не хотел, но мои слова прозвучали иронично, однако Петру это понравилось и он с сарказмом ответил:

— Судя по тому, что Ольга по-прежнему больна, дьявол не заинтересовался его душой, и обещание миллиона в качестве вознаграждения не помогло. Миша окружил себя проходимцами-чудотворцами, которые сулили ему несбыточное. Но в то же время он трезво все воспринимает. На случай, если не удастся Ольгу вылечить, он для нее заранее подготовил специальную усыпальницу на десятиметровой глубине, чтобы сохранилось ее тело. Целый подземный дворец!

— Похоже, у Михаила с избытком причуд, которые он реализует благодаря финансовым возможностям его отца. Он хочет забальзамировать ее тело, как тело профессора Пирогова[9]?

— Миша хочет сохранить тело жены, поскольку надеется воскресить ее.

Я, словно получив обухом по голове, молча смотрел на Чемоданова: может, он так шутить изволит? Но тот был серьезен.

— Он собирается дожить до Страшного суда?! — не сдержался я. — Сохранить на продолжительное время тело любимой он, конечно, сможет, но и только. Воскрешение невозможно! — Я с возмущением смотрел на Чемоданова, спокойно излагавшего несусветную чушь.

— Почему? — иронично произнес Петр; похоже, его позабавила моя реакция. — Помимо случаев воскрешения мертвых апостолами, описанных в Библии, есть легенды дохристианского времени. Самая известная из них о враче Асклепии.

— Легенды — это одно, а реальность — совсем другое!

— Ты в этом уверен? А может, эти знания были известны человечеству, но потом утеряны?

— Ты пытаешься меня убедить, что можно воскресить мертвого?! — воскликнул я.

Услышать подобное от Чемоданова, получившего медицинское образование, я не ожидал. Даже для него это слишком!

— Ха-ха! Конечно нет! — Серьезное выражение лица Чемоданова сменилось озорной улыбкой. — Кстати, тебе не попадалась на глаза брошюрка некого Омара Брахмана под названием «Оживление»? В ней автор приводит результаты опытов по оживлению мертвой собаки.

— Автор индиец?

— Предполагаю, под этим диковинным псевдонимом прячется наш соотечественник, считающий себя непризнанным гением. — Чемоданов издал язвительный смешок. — Я видел этого чудика. На индийца он явно не похож, но подстричься и привести в порядок бороду ему не помешает.

— Как можно оживить мертвую собаку или что угодно мертвое?! Чушь! — Меня раздражал этот бессмысленный разговор. — Что он использовал для оживления? Крестное знамение?

Меня бесило спокойствие Чемоданова, несущего ересь, но он был непробиваем для моего сарказма и иронии.

— Во время эксперимента он умерщвлял собаку, а затем обеспечивал принудительный кровоток в удаленные из ее тела сердце и легкие, и они работали[10]. В брошюре он довольно подробно описал принцип действия используемых для этого приборов, которые сам изобрел.

Я ошеломленно на него посмотрел:

— Даже если эти эксперименты были удачными, можно ли это назвать оживлением? Тогда сокращение мышц отсеченной ножки лягушки под воздействием электричества, то, что нам показали в университетской лаборатории, тоже оживление?! Наверно, это какой-то полоумный, возомнивший себя гением. Жаль собак, которых он загубил из-за своих сумасбродных идей. И это не *оживление* в полном смысле этого слова, а лишь возобновление работы отдельных органов собаки, да и то, как я понимаю, на непродолжительное время.

— Органов собаки?! — Чемоданов хохотнул. — А если я тебе скажу, что этот Омар Брахман оживил мертвеца, сутки пролежавшего в леднике городского морга?

— Этого не может быть! — гневно воскликнул я. — Впрочем, это ничем не подтвержденная праздная болтовня!

— Я тоже не поверил, — сказал Петр. — Но заинтересовался и решил эти слухи проверить. Специально отправился в городской морг и нашел там свидетеля этого оживления. — Чемоданов замолк, насмешливо глядя на меня. — Сторожа морга!

— Что же он тебе сказал? — ухмыльнувшись, спросил я.

— Все подтвердил! На его глазах труп мужчины, пролежавший в леднике сутки, зашевелился. Затем приподнялся, принял положение сидя, открыл глаза. Взгляд у него был туманный, неосмысленный, мертвец сидел, пошатываясь. Вдруг, словно внутри него что-то оборвалось, он откинулся на спину и затих, уже окончательно.

— Ха-ха! Видимо, ты пропустил лекцию профессора Заклецкого, во время которой он рассказывал о возможных посмертных движениях мертвого тела. — И я отчетливо вспомнил спокойный голос профессора, лекция которого поначалу заставила большинство из нас заледенеть от страха!

« — В противоположность бытующему общему мнению, что наибольший урон численности человечества наносили бесконечные войны, первенство по количеству смертей до XX столетия прочно удерживали за собой эпидемии различных заболеваний, — стоя за кафедрой, рассказывал сухонький, седой профессор, то и дело поправляя на носу старомодное пенсне. — Подробно об эпидемиях мы поговорим на другой лекции, а сегодня, как ни странно это звучит, разберем вопрос: возможны ли проявления жизни после смерти? »

— Вы, верно, имеете в виду живых мертвецов — вурдалаков? — живо отозвался Семен Николаенко, известный своим увлечением мистической литературой.

— Это имеет отношение не к мифическим вурдалакам, а к обычным упокоившимся людям, — улыбнувшись, пояснил профессор. — В 1849 году, во время эпидемии холеры, в Страсбурге произошел любопытный случай. Врач, отправившийся по вызову к больному, придя к нему домой, узнал, что тот уже полчаса как умер. Врач все же захотел взглянуть на покойника. Его провели в другую комнату, где мертвое тело было уложено на стол и покрыто темной материей. И тут врач увидел, что материя на ногах покойника шевелится! Первой мыслью врача было, что этот человек жив.

С тела было немедленно снято черное покрывало, и врач увидел, как у мертвеца шевелится ступня и частично сгибается колено. Движения были быстрые, порывистые, нога вздрагивала. Затем нога замерла. Врач первым делом проверил пульс, но он отсутствовал. Но тут нога покойника вновь стала двигаться, врач заметил, что подрагивают и пальцы рук. Тогда врач вновь проверил пульс, тот по-прежнему отсутствовал, биение сердца через стетоскоп не прослушивалось. Зеркало, поднесенное ко рту мужчины, не запотело. По всем признакам этот человек был мертв, хотя еще некоторое время заметны были движения конечностей, но значительно менее выраженные. На всякий случай погребение тела провели, когда стали явными признаки тлена.

Вы меня спросите, какая связь между холерой и посмертными движениями? Я вам отвечу. Было замечено, что подобного рода случаи происходили с людьми, умершими и от других эпидемических и эндемических инфекционных заболеваний: чумы, дифтерии, дизентерии. Бывало, что покойник, лежащий на одном боку, переворачивался на другой бок. Особенно часто бывают такие случаи во время повальных эпидемий. У людей, умерших от таких болезней, не раз замечали движения рук и ног, у них открывались и закрывались глаза» [11].

— Я был на лекции, прекрасно помню ее, — ехидно улыбнулся Чемоданов. — Из описаний сторожа я понял, что это были не механические посмертные движения, а нечто другое. Оживший труп кашлял и дышал, если, конечно, сторож не обманул.

— Видишь, и ты сомневаешься, допускаешь, что сторож врал, — подхватил я. — Кто, кроме сторожа, все это видел?

— Никого там больше не было.

— Сторожу хорошо заплатили, чтобы он рассказывал этот бред, создавая шарлатану Омару Брахману славу чудотворца! — уверенно произнес я. — На эксперимент по «оживлению» не были приглашены ученые. Если бы присутствовали хотя бы врачи, они сразу бы распознали, это фокус или и в самом деле прорыв в науке. Лишь сторож морга в качестве свидетеля!

— По словам сторожа, Омар Брахман часто являлся ночью в морг и проводил там какие-то опыты над трупами, за это хорошо платил. Сторожа, бывшего студента медицинского факультета, это заинтересовало, и он стал за ним исподтишка наблюдать. Так он стал невольным и единственным свидетелем воскрешения трупа. Омара Брахмана, по-видимому, наличие свидетеля не устроило, после этого он перестал приходить в морг.

— Все это выдумка! Неужели ты веришь в это?!

— Верить или не верить — право твое, братец! Я ничего не утверждаю, лишь рассказал, что сам слышал. Будет у тебя время, сходи в морг, расспроси сторожа и сам сделай выводы.

— Что же такое Омар Брахман мог делать с трупом, что тот вдруг «ожил»? — Язвительная интонация, с какой я это произнес, должна была убедить Чемоданова, что я категорически не верю в эту чушь.

— Хороший вопрос! — рассмеялся Чемоданов. — Хочешь повторить его опыт?

Я задохнулся от возмущения, и, прежде чем смог выразить его словами, он продолжил:

— Подглядывая, сторож старался не выдать своего присутствия и всего, что тот делал, не видел. Он лишь предполагает, что Омар Брахман сделал трупу уколы.

Это казалось слишком фантастичным, чтобы быть правдой. Чемоданов снисходительно похлопал меня по плечу.

— Не кипятись, братец, а то тебя кондрашка хватит! — посоветовал он. — Я согласен с тобой и считаю, что существует тайный сговор между сторожем и этим кудесником. Иначе что же получается? Мертвецы после своей смерти будут разгуливать, как

живые? Давай отставим эту пустую тему. Лучше расскажи, где ты теперь работаешь?

— Пока лишь в поисках места, — ответил я уклончиво.

Не знаю почему, но я не стал ему рассказывать, куда собираюсь отправиться на следующий день.

— Выходит, ты, как и я, ныне далек от медицины. — Петр издал хриплый смешок. — Захочешь со мной встретиться, заходи вечером в «Люнивер». Рад был тебя увидеть, Базаров! А теперь прощай!

Чемоданов быстро развернулся на месте, собираясь уйти, но я вновь его задержал: этот Омар Брахман не выходил у меня из головы.

— Если он такой умелец, почему не заработает миллион?

— Кто?! — Чемоданов недоумевающе на меня посмотрел.

— Этот брахмапутра! Если он может оживить мертвого, то бороться со смертельным заболеванием для него просто пустяк!

Меня передернуло от своих же слов. У Солодовникова горе, а я зло иронизирую по поводу его положения. В том, что Омар Брахман является шарлатаном, я нисколько не сомневался.

Однако Чемоданов всерьез отнесся к моим словам.

— Личность Омара Брахмана после того, как стало известно о его опытах и начали шириться слухи об оживлении мертвеца, заинтересовала журналиста Литвиненко. Он написал вроде как разоблачительную статью, но она вызвала обратную реакцию. Омара Брахмана тут же окрестили волшебником нашего времени, к нему потянулись страждущие, надеясь на исцеление, а репортеры начали на него охоту. Но тот неожиданно исчез. Несмотря на все старания, репортерам ничего не удалось о нем узнать — ни его настоящее имя, ни куда он пропал. Уехал ли он, спрятался или с ним что-нибудь случилось, неизвестно. Полиция считает, что он шарлатан и скрылся, опасаясь разоблачения, но, поскольку он ничего уголовно наказуемого не совершил, его поисками не занимаются.

— А ты сам кем его считаешь? Ты же с ним встречался.

Чемоданов лукаво сощурился:

— Мне безразлично, кто он: мошенник, авантюрист или гений. А вот Миша в него поверил и нанял сыщиков, чтобы его отыскать.

— Ну и как? Нашли?

— Не знаю, давно Мишу не видел.

— Все, чем занимается этот шарлатан, противоречит науке, — раздраженно произнес я.

— Или науке еще далеко не все известно. — Чемоданов, резко развернувшись, ушел.

«Все это чушь! Не понимаю, как Михаил Солодовников, с отличием окончивший университет, мог поверить, что этот мошенник Омар Брахман сможет ему помочь?!»

— Итак... — Прямой, как оловянный солдатик, жандармский офицер внимательно изучил мои документы, лежащие на голом деревянном столе перед ним. У него треугольное, мышинное лицо с острым подбородком и блуждающий, неприятный взгляд. — Господин Шульженко, вы намереваетесь работать лекарем в тюремном лазарете?

— Абсолютно верно, господин офицер. — К своему удивлению, я ощутил робость и даже тревожный трепет, словно не работать сюда прибыл, а стать заключенным в одной из камер мрачного корпуса Лукьяновского тюремного замка с зарешеченными окнами, хмуро выглядывающего из-за высокой ограды.

Жандарм неожиданно улыбнулся.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

BOOK2GO
ЕЛЕКТРОННІ КНИГИ

КУПИТИ